

*Никольченко Т. М.,**кандидат філологічних наук, доцент,
доцент кафедри славянської філології і перекладу
Мариупольського державного університету**Педченко Е. В.,**кандидат філологічних наук,
старший преподаватель кафедри славянської філології і перекладу
Мариупольського державного університету**Демченко Т. О.,**магістрант спеціальності «Філологія. Язык и литература (русский)»
Мариупольського державного університету*

ДИНАМИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА ОБРАЗА ВОЛАНДА В ТЕКСТАХ М. БУЛГАКОВА

Анотація. Статтю присвячено розгляду образу Воланда у відомих попередніх редакціях роману М. Булгакова «Майстер і Маргарита», що були опубліковані В. Лосєвим у книзі «Великий канцлер», та дефінітивному тексті. Актуальність такого дослідження пов'язана з відновленням інтересу до телеогенетичного методу у зв'язку з розвитком досліджень «нового історизму» у літературі. Сучасний погляд на достатньо вивчений аспект булгакознавства, яким є образ Воланда в романі, дозволяє не тільки визначити нові поетологічні особливості образу, прослідити етапи його розвитку, але й окреслити перспективи подальших розвідок літературного шедевра М. Булгакова. Динамічна поетика образу розкривається за зіставлення імен, портретної та мовленнєвої характеристики персонажу. Пошук автором фінального образу героя йшов від «чорного мага» й «інженера з копитом» до «Князя темряви», так Булгаков називає свого героя в чернетках і в неопублікованих редакціях. Воланд постає в усіх текстах і об'єктом і суб'єктом розповіді. Об'єктивізація його образу в усіх редакціях належить свідкам, які дають протилежні свідчення про його зовнішність, завдяки яким автор натякає на характерну для диявола розвагу являтися людям у різних обличчях. У розповідях його свити, Маргарити або Івана не йдеться про зовнішність Воланда, а лише натяки на його сутність. Як суб'єкт розповіді він постає у главі «Свангеліє від Воланда», де розповідає про ершалаїмські події як очевидець і учасник. У дефінітивному тексті автор відмовився від зазначеної назви глави, а починаючи із четвертої редакції новозавітну історію розповідає не тільки диявол. М. Булгаков робить суб'єктами цієї розповіді Майстра як автора роману про Понтія Пілата, Маргариту як читача цього роману. Не випадково ця тріада пов'язана графічно – з появою в романі образу Майстра й Маргарити в імені диявола літера “V” змінюється на “W”, що є перевертом літери «М». Протягом дванадцятирічної роботи над романом автор декілька разів переписував текст твору, кожного разу нові обставини впливали на трансформацію героя, який із лукавого «інженера», що веде себе досить нахабно та зухвало, перетворюється на величного Князя темряви.

Ключові слова: «Майстер і Маргарита», Воланд, Булгаков, телеогенетичний метод, динамічна поетика.

Постановка проблеми. Изучение творческой истории художественного произведения стало популярным еще век назад в работах круга М. Бахтина и М. Пиксанова, который писал: «Творческая история шедевра должна изучать эволюцию его языка, стиха, образов, сюжета, архитектоники» [1, с. 18]. Он предложил телеогенетический метод изучения рукописных и печатных текстов произведения, а также всех возможных метатекстовых источников, которые позволяют проследить развитие авторского замысла. «Творческая история произведения начинается, когда возникает первый его замысел, и заканчивается, когда поэт наложил последний штрих в его текст», – утверждает М. Пиксанов [1, с. 68]. В конце XX в. этот метод обретает новую жизнь в рамках исследований «генезиса литературного творчества» и «динамической поэтики», что также соотносится с основными интересами «нового историзма», который дает возможность современного понимания и подхода к литературе, взятой внутри культуры, а предметом исследования выступает интерпретация действительности в художественном произведении. Так, А. Эткин, сопоставляя свидетельства современников и дневники Е. Булгаковой, представляет прототипом Воланда американского дипломата Уильяма Буллита, утверждая, что до этой встречи «в тексте не было ни Мастера, ни Воланда» [2, с. 138]. Не подлежит сомнению тот факт, что общение М. Булгакова с послом повлияло на трансформацию образа Воланда в последующих редакциях, как и то, что посещение Фестиваля весны (1935 г.) в американском посольстве изменило сцену бала в романе, на этот факт обращают внимание многие исследователи. Однако следует уточнить, что к моменту знакомства М. Булгаков с послом в сентябре 1934 г. Воланд уже существовал в сохранившихся черновиках и в редакции «Великий Канцлер». Мировое булгаковедение знает достаточно много исследований реальных и литературных прототипов образа Воланда. Предположение А. Эткина – одно из многих, но оно еще раз подтверждает важность изучения динамической поэтики образа, которая позволяет избежать текстологических неточностей и объяснить существование разных гипотез о происхождении образа творческим поиском автора на протяжении двенадцати лет.

Анализ последних исследований и публикаций. История создания романа «Мастер и Маргарита» и генезис образа Воланда были исследованы еще в 1980–1990-х гг. И. Бэлзой, Л. Яновской, М. Чудаковой, В. Лакшиным, Б. Соколовым и др., труды которых стали основой современного дискурса, представленного работами В. Немцева, Е. Грудиллиной, Л. Сорокиной, Е. Колышевой и др. От времени гипотез булгаковедения переходит к их обобщению, что следует из последних публикаций. О. Корниенко отмечает: «В многочисленных работах булгаковедов зачастую отражены прямо противоположные мнения по поводу философских и эстетических взглядов автора, расходятся взгляды и в оценке смыслового содержания и функций персонажей. Эта ситуация, вне сомнения, обусловлена самой спецификой романа. Обширное использование символики, апелляция к широкому мифологическому, историческому, литературному контексту, синтез различных литературных традиций и культурного материала отчасти обуславливают возможность появления различных интерпретаций и принципиальную незавершенность исследовательского поиска в данном направлении» [3, с. 91–92]. Расшифровка текста романа не может быть однозначной и главенствующей задачей, важнее «обозначить возникающие в нем ассоциативные ряды, выявить принципиальную многомерность текста, его открытость самым неожиданным сопоставлениям и интерпретациям» [4, с. 9], что продолжает оставаться одной из популярных тем исследований и интерпретаций романа «Мастер и Маргарита».

Цель исследования – проследить в динамике развитие образа Воланда на материале известных редакций романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, которые были опубликованы в книге «Великий канцлер» [5].

Изложение основного материала. Художественная история романа, как известно, начинается в 1928 г. Количество редакций, созданных М. Булгаковым за двенадцать лет, до сих пор является предметом полемики текстологов. По мнению Л. Яновской, их было шесть, а М. Чудакова выделяет восемь. Существует разногласие и в названии первой редакции, так как в черновиках указано их несколько, поэтому В. Лосев настаивает на названии «Черный маг», а Л. Белозерская и Е. Булгакова – на «Копыто консультанта». Вторую редакцию принято называть «Копыто инженера» (1929–1930 гг.). Эти редакции, как известно, были уничтожены, но сохранились отрывки в тетрадях-черновиках. В 1932–1934 гг. М. Булгаков пишет третью редакцию «Великий канцлер», развивая в ней вторую сюжетную линию о Маргарите и поэте. Как принято считать, связано это с появлением в его жизни Елены Сергеевны, впоследствии третьей жены. Через два года М. Булгаков заканчивает четвертую редакцию, в которой поэт стал называть себя Мастером, пятая («Князь тьмы») осталась незавершенной, а шестую заканчивает уже под названием «Мастер и Маргарита» (1938 г.), которое закрепляется за романом. Седьмая редакция – результат корректировок при печати рукописи. Дальнейшая работа по редактированию привела к появлению восьмой редакции (1940 г.), которая стала дефинитивным текстом. Последние годы работы над романом были выполнены девиза, который М. Булгаков поставил эпитафией в начале четвертой редакции: «Дописать раньше, чем умереть!» [5, с. 265], что ему почти удалось исполнить.

До шестой редакции центральным образом произведения оставался Воланд, а общим названием для этих редакций было

определение «роман о дьяволе». Так М. Булгаков именует свою рукопись в письме правительству Союза Советских Социалистических Республик от 28 марта 1930 г.: «И лично я, своими руками бросил в печку черновик романа о дьяволе» [6, с. 448]. Это же определение мы встречаем в дневнике Е. Булгаковой от 27 сентября 1933 г.: «Миша читал Коле Л[яшину] новые главы романа о дьяволе» [7, с. 79].

Появление дьявола в Москве – завязка романа. В сохранившихся черновиках редакции «Черный маг» причиной серии чрезвычайных происшествий с денежными знаками стал дебют «м-е Воланда». В следующей редакции, появившись на Патриарших прудах, он представляется “D-r Theodor Voland”. В «Великом канцлере» Бездомный видит на карточке “professor” и первую букву его имени “W”, далее автор называет его Воландом. В дефинитивном тексте мы находим последний вариант с уточнением: «напечатанное иностранными буквами слово «профессор» и начальную букву фамилии – двойное «В» – “W” [6, с. 18]. Не случайно в редакции 1934 г. появление Маргариты и поэта, называемого Воландом Мастером, совпадает с появлением в его фамилии “W”, которая воспринимается как перевернутая «М», что очень символично, так как в итоге М. Булгаков назвал роман «Мастер и Маргарита».

Возникает правомерный вопрос: Что объединяет героев? Можно представить их как любовный треугольник в духе современной вольной интерпретации художественного текста. Но нам кажется более важным тот факт, что автор делает их рассказчиками Ершалаимских глав. Интересным наблюдением представляется мнение Л. Сорокиной, которая вслед за А. Кураевым отмечает, что в первых редакциях свита называет Воланда мастером, он приходит к Ивану в больницу рассказать о Пилате [8, с. 74], но М. Булгаков называет его рассказ не романом, а «Евангелием от дьявола». В последней редакции это название автор не использует, но оставляет апокрифическое изложение встречи Понтия Пилата с Иешуа и допроса Воланду, который там присутствовал. Продолжает повествование Мастер, пересказывая Ивану сцену казни Иешуа из своего романа, а заканчивает историю Маргарита, читая главу «Как прокуратор пытался спасти Иуду из Кариафа». Финал они дописывают вместе, завершая оба романа одновременно. Такое разделение нарративных функций может быть весьма интересным для интерпретации текста романа с точки зрения постструктуралистских теорий. Для нашего исследования достаточно констатации того, что Воланд является субъектом повествования, именно он задает стилистическую и фабульную основу роману Мастера, определяет его достоверность.

Воланд как языковая личность проходит путь от глумливого черта, который позволяет себе использовать бранную лексику и пародирование в первых редакциях, до степенного Князя тьмы в «Мастере и Маргарите». В первой редакции величественный Воланд юродствует в разговоре с буфетчиком, становится на колени и плаксиво говорит: «Не погубите сироту <...> Лучше я вам заплачу, чем в суд идти. Засудят меня, ох засудят, как пить дадут» [5, с. 206]. В редакции «Инженер с копытком» он играет немецким акцентом, а потом переходит на акцент черноморский, говоря: «Позвольте вам заявить, гражданин Бездомный, что вы – врун свинячий! Да, да! Да нечего на меня zenки тарашить!» [5, с. 239]. И продолжая в этой манере, называет Иванушку интеллигентом,

чем провоцирует его растоптать лик Христа, нарисованный на песке. Он то кокетливо прикрывает глаза, то становится деловитым, или предлагает дать «телеграммку» и клянется «подолом старой сводни» [5, с. 241]. В последующих редакциях его речь меняется на мягкую и дружелюбную. Неизменным остается низкий голос, который иногда переходит на бас, что характерно для «внушительного мужчины», каким он является буфетчику в «Черном маге», и для «замаскированного великана», которого в четвертой редакции встречают аплодисментами в варьете. В финальной редакции подчеркивается, что он «росту был не маленького и не громадного, а просто высокого» [6, с. 10].

Портрет Воланда вырисовался автору не сразу. В первой редакции у него кривая рожа с выбритой верхней губой и борода клинышком [5, с. 205]. Более подробное описание внешности герой получает в третьей редакции: «Росту был высокого, коронки с правой стороны у него были платиновые, а с левой – золотые. Одет он был так: серый дорогой костюм, серые туфли заграничные, на голове берет, заломленный на правое ухо, на руках серые перчатки. В руках нес трость с золотым набалдашником. Гладко выбрит. Рот кривой. Лицо загоревшее. Один глаз черный, другой зеленый. Один глаз выше другого. Брови черные. Словом – иностранец» [5, с. 28]. Если не брать во внимание детали, то можно утверждать, что данный портрет земной ипостаси героя сохраняется до последней редакции. Также от третьей редакции до последней сохраняется описание Воланда в последнем полете, когда он обретает внешность Князя тьмы.

Наибольший интерес представляет домашняя одежда Воланда. Автор надевает на него в первой редакции золотую парчовую рясу, «на коей были вышиты кресты, но только кверху ногами» [5, с. 204], а в третьей редакции переодевает в «засаленный и с заплатой на локте халат, из-под которого виднелась грязная ночная сорочка, на голых ногах истоптанные ночные туфли с изъеденной меховой оторочкой, на пальцах тяжелые перстни» [5, с. 151]. В «Мастере и Маргарите» Воланд выходит к гостям во время великого бала в той же грязной с заплатой сорочке и стоптанных туфлях, что очень удивило Маргариту, как и читателей. Если вернуться к предположению А. Эдкинда, что образ Воланда буквально списан с американского дипломата, а бал у Сатаны – копия Фестиваля весны в посольстве, то экипировка хозяина бала в романе явно не вписывается в данную теорию. Воланд на Патриарших прудах, где он представляется учтивым иностранцем в дорогом костюме, больше похож на Буллитла.

Ряса с перевернутыми крестами – наряд Антихриста, правящего черную мессу. Возможно, именно в этом наряде Воланд правил шабашем на страницах первой редакции, которые исчезли в огне. Однако она могла и символизировать подчинение «царства тьмы» «царству света», что характерно для первых редакций. Показателен диалог Воланда с поэтом в конце «Великого канцлера»:

– Да, что будет со мною, мессир?

– Я получил распоряжение относительно вас. Преприятное. Вообще могу вас поздравить – вы имели успех. Так вот, мне было велено <...>

– Разве вам можно велесть?

– О, да. Велено унести вас [5, с. 196].

Уже в четвертой редакции автор опустил эпизод прихода посланника из «царства света», но в 1936 г. восстановил его: «Вестник что-то сказал Воланду, на что тот ответил, улыбувшись: «Передай, что я с удовольствием это исполню» [5, с. 501]. В мае 1939 г. М. Булгаков изменил эпизод. Перед Воландом появился Левий Матвей, который, передавая просьбу Иешуа, выказал свое неуважение «повелителю теней», за что выслушал назидательную тираду о существовании теней, которая восходит к учению Г. Сковороды. Украинский философ отмечал парадоксальное свойство дьявола совмещать в себе ложь и истину, юродство и мудрость, злость и благо, добро и зло, что «в полной мере проявилось в булгаковском тексте» [9, с. 324]. Эту ипостась героя подчеркивает появившийся в шестой редакции древнеегипетский амулет со скарабеем на груди Воланда, который символизирует зло, порождавшее добро.

Выводы. Рассмотренные аспекты динамической поэтики образа Воланда позволяют сказать, что из наглого, лукавого черта он превращается в великого Князя тьмы через изменение речевой характеристики и внешнего облика. Главной особенностью истории развития образа становится тот факт, что он уступает свое главенство в тексте Мастеру и Маргарите. Таким образом, роман о дьяволе, который был задуман автором в 1928 г., превращается в роман с дьяволом, что подтверждается графически первыми буквами имен «W» – «M» и текстуально разделением между героями Ершалаимских глав. Модификация образа главного героя, как и всего романа, является зеркалом жизненных вызовов и творческих поисков М. Булгакова в 1930-х гг., что, несомненно, представляет огромный интерес для дальнейшего исследования.

Литература:

1. Пиксанов Н. Творческая история «Горя от ума» / сост. и коммент. А. Гришуниной. Москва : Наука, 1971. 400 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/tig/tig-001-.htm?cmd=p> (дата обращения: 03.04.2019).
2. Эдкинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. Москва : НЛЮ, 2001. 483 с.
3. Корниенко О. Мифопоэтика инфернальной образности романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». *Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология»*. 2016. № 3. С. 90–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-infernalnoy-obraznosti-romana-m-bulgakova-master-i-margarita> (дата обращения: 11.12.2019).
4. Лесскис Г., Атарова К. Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Москва : Б.С.Г.-пресс, 2016. 576 с.
5. Булгаков М. Великий канцлер: черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». Москва : Новости, 1992. 540 с.
6. Булгаков М. Собрание сочинений : в 5-ти т. Москва : Художественная литература, 1990. Т. 5. 734 с.
7. Чудакова М. Архив М.А. Булгакова : Материалы для творческой биографии писателя. *Записки отдела рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина*. Вып. 37. Москва, 1976. С. 25–151.
8. Сорокина Л. Мотив безумия в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2010. № 1. С. 73–77.
9. Урюпин И. Творчество М.А. Булгакова в национально-культурном контексте эпохи : монография. Елец : Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. 380 с.

Nikolchenko T., Pedchenko E., Devchenko T. Dynamic poetics of the Woland image in texts by M. Bulgakov

Summary. The article is devoted to the consideration of the image of Woland in the well-known early versions of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita", which were published by V. Losev in the book "The Grand Chancellor", and the definitive text. The relevance of such a study is associated with the renewal of interest in the teleogenetic method in connection with the development of research on "New Historicism" in the literature. The modern view of the rather studied aspect of Bulgakov's research – the image of Woland in the novel – allows you to find new characteristics of the hero, trace the stages of his development, determine the prospects for further study of M. Bulgakov's literary masterpiece. The dynamic poetics of the image is revealed when comparing the names, portrait and speech characteristics of the character. The search for the author of the final image of the hero has gone from the "black magician" and "engineer with a hoof" to the "Prince of Darkness", as Bulgakov calls his hero in draft copies and in unpublished manuscripts. Woland in all texts acts as an object and as a subject of narration. The objectification

of his image in all the texts belongs to witnesses who give opposite testimonies about his appearance, thanks to which the author hints at the devil's characteristic entertainment – to appear to people in different faces. The members of his retinue, Margarita and Ivan do not talk about Woland's appearance, but only hint at his essence. He appears in the chapter "The Gospel of the Devil" as the subject of the narrative, where he talks about Yershalaim events as an eyewitness and participant. This title of the chapter is missing in the definitive text, because the author makes the three main characters' narrators of biblical events: Woland, Master, as the author of the novel about Pontius Pilate, and Margarita, as the reader of this novel. It is no accident that this triad is connected graphically. When Master and Margarita appeared in the novel, the letter "V" in the name of the devil changes to "W", which is the inverted letter "M". The author several times rewrote the text over twelve years of work on the novel. Each time, new circumstances influenced the transformation of the hero, who from a crafty "engineer", an impudent demon, turns into a majestic Prince of Darkness.

Key words: "Meister and Margarita", Woland, Bulgakov, teleogenetic method, dynamic poetics.